

СИБИРСКИЙ ГОРОД ПОД ВЛАСТЬЮ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

Рассматривается взаимосвязь повседневной жизни сибирского города и организации политической пропаганды антибольшевистскими правительствами в годы Гражданской войны. Исследуются причины слабой эффективности осведомительного аппарата белых в Сибири.

Ключевые слова: Гражданская война; белое движение; повседневность; Осведверх; Русское бюро печати.

Революция 1917 г. в Российской империи и последовавшая за ней Гражданская война стали закономерным итогом сложного многоуровневого социально-экономического и социокультурного кризиса, поразившего страну на стадии перехода к индустриальному обществу и повлиявшего на всю мировую историю. Революция расколола общество, а Гражданская война развела людей по разные стороны фронтов. Однако в вооруженное противостояние «красных» и «белых» во время Гражданской войны была вовлечена лишь незначительная часть населения страны, большинство же пребывало в состоянии растерянности, колебалось, стараясь выжить. Как и чем жила эта часть населения? Ответить на этот вопрос позволяет изучение повседневной жизни людей. Интерес историков к индивидуализированной повседневной жизни человека предполагает кардинальное смещение акцентов в исследовательском поле. «Центральными в анализе повседневности, – отмечал А. Людтке, – являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории. Интерес вращается вокруг их обыденных злоключений и несчастий, время от времени происходивших в их среде всплеск недовольства» [1. С. 77].

Влияние реалий Гражданской войны прослеживается во всех структурах повседневной жизни Сибири и характеризуется ухудшением как бытовых условий, так и психологического климата. Серьезные изменения происходят в сфере непосредственного жизнеобеспечения: устройстве жилого пространства, обеспечении продуктами питания, одеждой, предметами повседневного обихода, другими промышленными товарами, бытовых санитарно-гигиенических практиках, организации медицинской помощи.

Периодическая печать тех лет с пугающей подробностью обозначила тот круг проблем, с которыми столкнулся городской обыватель в повседневной жизни. Это и хронический дефицит целого ряда продовольственных товаров (чая, сахара; последний часто заменялся медом, изюмом и т.д.), предметов повседневного обихода (керосин, спички, табак, свечи, нитки). Это и болезненный «квартирный» вопрос. Его решение осложнялось не только наплывом беженцев, но и размещением в городах тыловых военных учреждений и расквартированием воинских частей. На протяжении 1918–1919 гг. в сибирских городах наблюдался резкий рост цен на дрова, в связи с чем в близлежащих рощах вырубались деревья. Неблагополучным было и санитарно-гигиеническое состояние города, о чем неоднократно писали газеты. Это приводило к увеличению числа инфекционных заболеваний (тиф, холера, дизентерия), нередко принимавших эпидемический

характер. Спад промышленного производства, образование политических анклавов, что, при неравномерном экономическом развитии отдельных регионов России, вело к кризису снабжения, транспортные проблемы (в частности, известная «читинская пробка»), мешавшая организации нормального товарообмена с Дальним Востоком), внутренние миграции, казнокрадство, спекуляция обусловили перебои со снабжением, товарный дефицит, рост цен и, соответственно, падение уровня жизни.

В условиях Гражданской войны элементарные бытовые услуги, текущий квартирный ремонт, устранение даже самых простых поломок в доме превращались в серьезную проблему, требуя значительных затрат. Например, в городах исчезло из продажи стекло, вследствие этого стекольщики получили возможность повышать цены по своему усмотрению. В этих условиях бороться со спекулянтами, которые являлись по сути дела неотъемлемой частью повседневности, сложившихся в городских условиях того времени социальных микропрактик, оказалось для белых правительств невозможно. «Под разбойничьим знаменем, с лозунгом: *Грабь!* – объединились все полы, национальности, возрасты и сословия. Спекулируют женщины и мужчины, старики и дети, представители древней родовой аристократии и домашняя прислуга». Каждый день у части спекулянтов изымали продукты, их штрафовали и подвергали арестам, но эти меры не приносили реальных результатов. Рост спекуляции и неспособность власти справиться с ней подрывали в глазах населения авторитет Омского правительства, порождали неверие в силу режима. «Находящаяся в связи со спекуляцией дороговизна предметов потребления, – отмечала в начале 1919 г. омская газета, – достигла невыносимых размеров для малоимущих классов населения. Лица со средним и ниже заработком вынуждены соблюдать экономию не только в расходах на квартиру, одежду, белье, обувь, но [и] в расходах на питание» [2. 16 янв.]. Правительство же адмирала А.В. Колчака фактически самоустранилось от решения насущных бытовых проблем горожан. «С лета к началу зимы, – писала томская газета в конце 1919 г., – прожиточный минимум возрос больше чем в четыре раза (с 439 руб. 91 коп. на 1 июня до 1 712 руб. 40 коп. на 1 декабря. – *Д.Ш.*). Безумный рост цен, особенно на жиры, отопление, свет зимой доводит городское население, трудовую интеллигенцию до отчаяния. Цены граничат с голодными, семьи обречены на голодание» [3. 13 дек.].

Для многих слоев городского населения недоступным по цене стал готовый хлеб, преимущественно белый. Практичнее считалось печь хлеб на дому из тех ингредиентов, которые были наиболее доступны по

цене: из муки низших сортов с добавлением отрубей и прочих примесей. Экономия и погоня за дешевизной вынуждали горожан покупать продукты не просто низкого, но и весьма сомнительного качества, часто откровенно фальсифицированных (например, сливочное масло, чай). «В связи с продолжающимся развитием разрухи и всякого рода “кризисами”, – писала в конце 1919 г. томская газета, – фальсификация продуктов и предметов потребления начинает развиваться все более и более. Фальсифицируется буквально все: молоко, молочные продукты, мыло, мед и т.д. На базаре появились даже фальсифицированные махорка и табак» [4. 27 окт.].

Высокие цены на продовольственные и промышленные товары, предметы повседневного обихода, их дефицит, фальсификация заставляли горожан приспособиваться к создавшейся ситуации. В городах возникают огородные кооперативы. Иркутское кооперативное товарищество огородников было создано еще в ноябре 1917 г., в Омске такой кооператив появился осенью 1918 г. В начале июля 1919 г. организационное собрание общегородского огородного кооператива было проведено в Томске. Кроме того, по инициативе Западно-сибирского общества сельского хозяйства в Томске была организована кооперативная молочная ферма. В городах работали курсы кройки и шитья одежды и обуви. В условиях товарного голода горожане вынуждены были обращаться к услугам старьевщиков и солдат, распродающих казенную одежду. В Томске на летних технических курсах изучалось изготовление в домашних условиях мыла, крахмала, патоки. В прессе все чаще стали появляться рубрики «Полезные советы», предлагающие читателям рецепты экономных блюд или способы изготовления одежды и обуви при минимальных денежных затратах. Рецепты нехитрых блюд часто соседствовали с полезными советами как обновить свою обувь или изготовить необходимую деталь одежды на дому, не прибегая к услугам мастера.

Особую остроту в годы Гражданской войны представлял квартирный вопрос. «Жилищный кризис в Омске, – констатировала летом 1919 г. пресса, – достиг апогея. Люди живут на сеновалах, в конюшнях, в кладовых. В пяти минутах ходьбы от здания управления омской железной дороги, почти в центре города люди вырыли ямы, накрыли их чем попало и живут. Вражда между домохозяевами и квартирантами растет, никто не удовлетворен установленными городской думой нормами оплаты квартир: сами бесквартирные обыватели бешено набивают цены. Предлагая “по 2 500 руб. тому, кто укажет квартиру и две комнаты”. Нервное общее настроение доводит вражду до того, что в иных случаях домовладелец, чтобы избавиться от ненавистного квартиранта, продает дом на слом» [3. 23 июля].

Массу проблем создавали беженцы: их наплыв вызывал рост цен на продукты, а также препятствовал работе железной дороги, что заставляло городские власти искать способы удаления части переселенцев в другие города или в сельскую местность. Таким образом, весьма рельефно проступает важнейшая черта повседневности периода революции и Гражданской войны – **архаизация быта и социальных отношений**.

Коллизии гражданской войны привели к изменению поведенческих стереотипов людей. Старая система со-

циально интегрирующих мотиваций оказалась разрушена. Пресса тех лет фиксирует нарастание у людей усталости от войны, ощущения неуверенности в завтрашнем дне, потерянности, социальной незащищенности, что порождало чувство озлобленности на весь окружающий мир. Происходила **атомизация городского социума**. В этих условиях доминирующим принципом поведения становится «каждый сам за себя». Газеты с тревогой писали о возрастании случаев немотивированной жестокости, хулиганства. «Хулиганство, особенно в пьяном виде, – отмечала пресса, – настолько сильно укоренились в нашем городе, что к нему относятся как к явлению обыденному. Проявить свою злую волю, сделать вред другому, обругать встречного и поперечного – многим ничего не стоит, наоборот, в известной среде такие поступки даже одобряются» [3. 20 июля]. Отрицательная энергия, длительное время накапливавшаяся в людях под воздействием тяжелых бытовых условий, общей неустроенности, искала свой выход и нередко направлялась на более слабых (детей, стариков, домашних животных).

Рядовой гражданин не чувствовал себя защищенным перед лицом государственной власти, своеволием чиновников и всевозможных воинских начальников. Он был попросту предоставлен сам себе. Сменявшиеся же в Сибири белые режимы, требуя от населения выполнения определенных повинностей, не могли обеспечить взамен гарантированной защиты от расплодившихся спекулянтов, мошенников, воров и грабителей. Отсюда нарастание у обывателей недоверия к действиям омской власти, их политическая пассивность. «Если спросить себя, – писал профессор И.И. Аносов о результатах томских муниципальных выборах 1919 г., – какая черта наиболее бросается в глаза в этой кампании, какой момент упорно пробивается сквозь все, правда, небольшое разнообразие выборов, мы должны будем ответить, что эта черта, этот момент – поражающий процент абсентеизма населения». Так, в Иркутске только 30% избирателей участвовало в голосовании, в Новониколаевске – 25, приблизительно столько же в Канске, около 20 – в Нерчинске, 18 – в Благовещенске, около 15 – в Таре, Верхнеудинске и Чите, немного более 10% – в Нижнеудинске [3. 9, 22 июля]. Таким образом, обозначилась еще одна характерная черта – **высокий уровень политического абсентеизма**. В то же время в этот период наблюдалось увлечение горожан магией, гаданием, усиливаются религиозно-мистические настроения.

На таком фоне разворачивалась широкомасштабная пропагандистская деятельность Омского правительства. Первоначально идеологи сибирской контрреволюции считали неприемлемым применение мер пропагандистского воздействия, аналогичных большевистским. Во многом это являлось следствием негативного отношения белого офицества как к «политике», под которой они понимали главным образом антигосударственную деятельность, так и к «агитации» и «пропаганде» в частности. Военные предпочитали думать, что у них вовсе нет никакой «идеологии», а сражаются они за общенациональные, общероссийские интересы. Кроме того, эйфория первых военных побед отодвинула в гла-

зах армейского командования психологические методы ведения войны и долговременные пропагандистские стратегии на второй план.

Заметное изменение в отношении к пропаганде, сопровождавшееся структурной перестройкой осведомительных органов, происходит лишь летом–осенью 1919 г. Под давлением, главным образом, внешних обстоятельств: неудач на фронте, активизации повстанческо-партизанского движения и коммунистического подполья, Омское правительство значительно расширяет пропагандистскую деятельность, надеясь тем самым мобилизовать население Урала и Сибири на борьбу с большевиками. На смену отторжения пропагандистских методов и приемов приходит чрезмерное увлечение осведомительной работой, в которой начинают видеть чуть ли не панацею от всех неудач, преследующих белое движение на востоке России. Первостепенное значение придавалось массовости пропагандистских мероприятий, тотальному охвату всех слоев населения.

Нас должен слышать слепой.

Нас должен видеть глухой.

А к ленивому мы должны пойти сами» [5. Л. 7].

В рамках политической системы белой Сибири сложился свой пропагандистский аппарат, понимаемый как совокупность осведомительных и культурно-просветительных учреждений и ведомств, как гражданских, так и военных, деятельность которых была направлена на индоктринацию идеологических установок, сложившихся в рамках антибольшевистского движения на востоке России. К лету 1919 г. центральное место в колчаковском пропагандистском аппарате занимали Отдел печати Управления делами Совета министров (управляющий отделом – В.П. Орлов), Осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего, Осведверх (начальник отдела – полковник Г.И. Клерже), а также Русское бюро печати, РБП (директор-распорядитель – А.К. Клафтон). Последнее, по признанию руководителя одного из его отделов В.Н. Иванова, «было создано как фиктивная акционерная компания», поскольку $\frac{2}{3}$ акций АО «Русского общества печатного дела», составной частью которого являлось РБП, находилось в руках правительства, которое таким образом могло его контролировать. Действовали и периферийные осведомительные и культурно-просветительные органы (осведармы, осведокры, местные отделения РБП). Со временем возникла насущная необходимость как-то упорядочить их работу, придать им вид стройной системы.

Для координации вопросов в области печати Совет министров Омского правительства 7 марта 1919 г. принимает постановление о создании специального, постоянно действующего органа. На следующий день состоялось его первое заседание, а с 7-го заседания (29 апреля) вновь созданный орган стал называться Советом по делам печати (СДП). На территории Поволжья, Урала и Сибири Советские возглавляло всю издательскую деятельность. Оно определяло общий правительственный курс в области печати, осуществляло финансовую поддержку газет, журналов и издательств официального направления, решало кадровые вопросы, руководило пропагандистской работой за границей.

Осведомительные органы развернули широкую пропагандистскую деятельность среди военнослужащих колчаковской армии и населения. Летом–осенью 1919 г. *государственная пропаганда Омского правительства стала составной частью городской повседневности* Сибири. Для распространения своего идеологического влияния агитационно-осведомительный аппарат сибирской контрреволюции использовал различные формы и методы пропагандистского воздействия. Особое место отводилось периодической печати как эффективному средству пропаганды, способному в короткий срок охватывать значительные пространства и быстро воздействовать на большие группы людей. В опубликованном в «Правительственном вестнике» интервью Г.К. Гинса, одного из влиятельных политических деятелей Омского правительства, организация «могущественной печати» признавалась правительством Колчака третьей по важности государственной задачей, наряду с созданием боеготовой армии и объединением вокруг власти «широких слоев населения».

Официальным печатным органом колчаковского Совета министров являлась газета «Правительственный вестник». Тираж «Правительственного вестника» постоянно увеличивался. Так, в 1918 г. – апреле 1919 г. печаталось 7 000 экземпляров, с 20 апреля по 10 мая 1919 г. – 8 000; с 11 по 21 мая – 9 200; с 22 мая стало выпускаться по 10 000 экземпляров. В тесной связи с правительственными органами действовало Русское бюро печати. С 16 августа Пресс-бюро РБП начало издавать «Нашу газету», рассчитанную, прежде всего, на малообразованного читателя. Причем ее издание должно было осуществляться одновременно в нескольких городах – Омске, Новониколаевске и Томске. С самого своего появления «Наша газета» имела определенный успех, объясняемый не только тщательным подбором материала и хорошей осведомленностью, но и крайне невысокой ценой – сначала 20, а потом 40 коп. Наибольший тираж газеты в течение августа месяца – 50 000 экземпляров. Всего за август–октябрь 1919 г. было выпущено 543 616 экземпляров газеты. В октябре 1919 г. Русское бюро печати начало выпуск газеты «Русское дело». Наряду с гражданской в этот период существовала обширная военная пресса. Так, информационное отделение штаба Сибирской армии с 17 января по 1 мая 1919 г. направило на фронт 226 966 номеров различных периодических изданий, в том числе 111 500 экз. – издаваемой отделением газеты «Голос Сибирской армии» [6. 4 мая]. Ежедневно в частях действующей армии на пятерых солдат предполагалось выдавать одну газету. На железнодорожных станциях (в том числе в Омске) по распоряжению штаба Верховного главнокомандующего были построены специальные киоски, в которых всем военнослужащим бесплатно раздавались газеты, брошюры и листовки.

Помимо периодических изданий колчаковских пропагандистский аппарат налаживал производство и распространение и другой печатной продукции. Осведверх в значительном количестве издавал иллюстрированные письма для солдат, в которые вкладывались документальные материалы, «рисующие тяжесть жизни под большевистским игмом крестьян», брошюры, листовки, воззвания, агитационные и информационные плакаты,

лубки, портреты вождей белого движения. Ежедневный тираж листовок составлял до 1 млн экз.

За пять месяцев (с июня по октябрь) 1919 г. пресс-бюро Русского бюро печати издало 76 листовок в количестве 10 156 000 экз., 30 брошюр общим тиражом 1 777 000 экз. [7. Л. 106об., 107]. Широкое распространение получили издававшиеся массовыми тиражами брошюры объемом до одного печатного листа. Издавались также плакаты и лубки («Ленин и Троцкий», «Мужуку – фунт, комиссару – пуд», «Что большевики обещали и что дали» и др.). Осведстепь выпустил плакат с изображением патриарха Тихона. В больших количествах распространялись портреты А.В. Колчака, А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова и М.В. Алексева. Для распространения агитационной литературы среди населения «на всей территории Российского правительства, не исключая прифронтовой и освобожденной от большевиков полосы», создавались специальные комиссии. Всего планировалось организовать 121 губернскую (областную) и уездную комиссию с общей сметой в 655 тыс. руб. [7. Л. 24].

Осведомительные органы колчаковского правительства занимались также организацией наглядной агитации. В Омске, на Любинском проспекте, сотрудники Осведверха оформили специальную витрину, на которую в целях наглядной агитации вывешивались различного рода пропагандистские материалы. В начале июля 1919 г. там была выставлена карта боевых действий с точным обозначением линии фронта. В одном из докладов начальник Новониколаевского отделения РБП Я.Л. Белоблоцкий осенью 1919 г. сообщал А.К. Клафону: «В городе в 89 местах не менее 3 раз в неделю расклеиваются воззвания и плакаты, арендовано (бесплатно) около 60 окон в магазинах, имеется три витрины “Зверства большевиков”, имеется киоск с картой фронта, которая ежедневно исправляется» [8. Л. 343]. Распространение агитационной литературы среди войск противника и населения прифронтовой полосы велось с применением военной авиации. Так, осенью 1919 г. в районе боевых действий с аэропланов разбрасывались плакаты «Ленин и Троцкий», изображения которых были увенчаны пентаграммой, стилизованной под звезду Давида.

Таким образом, на первый взгляд деятельность многочисленных агитационно-осведомительных и культурно-просветительных организаций выглядит довольно впечатляюще. В то же время результаты их работы говорят об обратном. «Казалось, что такая хорошо продуманная и широкая схема работы, – писал в своих воспоминаниях 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего П.Ф. Рябиков, курировавший работу Осведверха, – при должных кредитках и систематически-энергичном проведении всех планов и начинаний должна быть в деле осведомления у себя и пропаганды у противника дать весьма плодотворные и ощутительные результаты. Но, к сожалению, жизнь и практика показали другое... если центр, имея ряд энергичных, идейных и талантливых сотрудников, среди которых были и писатели, журналисты, художники, – много и, казалось, продуктивно работал, то работа эта весьма слабо и поздно (подчеркнуто автором. – Д.Ш.) выявлялась на фронте и внутри громадной

территории Сибири» [9. Л. 15об.]. Активизация правительственной пропаганды в основном сводилась, говоря словами Г.К. Гинса, к «бесконечному размножению осведов». «Организации эти, – отмечал он, – требовали громадных ассигнований. Как они расходовали деньги, я затрудняюсь сказать, но что большинство из них работало впустую – это факт».

Несмотря на все усилия, пропагандистский аппарат Колчака оказался не в состоянии обеспечить фронт и тыл достаточным количеством агитационной литературы. Под впечатлением доклада министра внутренних дел В.Н. Пепеляева о его поездке на фронт, военный министр, генерал А. Будберг писал, что для него ценно только его решительное заключение о полной безрезультатности агитационной работы многочисленных осведомительных органов; он воочию убедился, что эта деятельность держится к Омской поверхности и очень слабо распространяется внутрь страны и вглубь населения.

Главные же причины невысокой результативности белой пропаганды следует искать вне идеологического аппарата восточной контрреволюции. В условиях, когда не были урегулированы аграрные взаимоотношения, не решен рабочий вопрос, реквизиции, принудительные мобилизации, злоупотребления властью на местах и разгул «атаманщины» свидетельствовали не в пользу колчаковского режима. «Мы дожидались Колчака, как Христова дня, – говорилось в одном из писем того времени, – а дождались, как самого хищного зверя. У нас здесь пороли всех сряду. Правого и виноватого. Если не застегивают, то расстреляют или прикалывают штыком. Не дай бог этого лютого Колчака» [10. С. 238]. Население в своей повседневной практике чаще сталкивалось с произволом, нераспорядительностью, взяточничеством и казнокрадством, нежели с какими-либо позитивными действиями агентов власти. В таких условиях офицер-каратель, штабист, окопавшийся в тылу и с особым шиком растрачивающий казенные деньги, спекулянт-аферист, продажный чиновник «старорежимного» образца, милиционер-самодур становились теми знаковыми фигурами, с которыми идентифицировалась власть адмирала А.В. Колчака и Омского правительства. «В наше время, – писала либеральная томская газета, – очень модно обращаться с упреками в нежелании работать на пользу родины, в своекорыстии и прочих нехороших вещах... Но так ли он виноват? Ведь в массе своей он представляет нечто очень низкое по уровню сознательности, непривычное к самодеятельности, к тому же угнетенное всеми свалившимися на его голову за последние годы обстоятельствами. Он слышит, правда, хорошие слова, призывы и прочее. Но он, слыша их, им не верит, не верит потому, что их не сопровождают хорошие примеры – дела» [3. 24 июля]. Население, которое видело разницу между тем, что говорилось в официальной печати, и тем, что происходило у них на глазах, теряло доверие не только к правительственным органам информации, но и, в конечном счете, к самому режиму. О быстрой смене настроений обывателей неоднократно докладывали вышестоящему начальству сотрудники органов контрразведки и цензуры. Так, в обзоре корреспонденции, направленной начальником Главного военного цензурно-контрольного бюро в штаб Верховного глав-

нокомандующего 10 июля 1919 г., отмечалось: «Большинство городского населения настроено антибольшевистски и доброжелательно по отношению к существующей власти, однако настоящий патриотизм замечается редко и потому всякое обложение на нужды армии и государства вызывает большое недовольство... Продолжающийся отход наших войск сильно отражается на настроении всех классов населения и с ужасом начинают поговаривать о перспективе возможного возвращения большевиков. Неудачи преувеличиваются, ползут самые невероятные слухи, усталые нервы реагируют на каждый нелепый и часто провокационный слух» [9. Л. 281–282]. В другом докладе, также составленном в середине лета 1919 г., рисуется не менее тревожная картина: «Общество не верит разговорам о стойкости фронта, о том, что Омск в безопасности, так как оно боится повторения истории Казани и Екатеринбурга. Слухи о запрещении разгрузки Омска со стороны Ставки вносит еще большее смятение в и без того крайне тревожную атмосферу. Среди интеллигенции слышится все больше и больше недовольства бездеятельностью и недостаточной твердостью власти. Общей паникой умело пользуются большевистские агитаторы, ведущие агитацию почти открыто, среди железнодорожных рабочих, на базарах и у витрин осведомительного отдела штаба верховного главнокомандующего. Им удалось внушить почти всем слоям населения веру в огромную силу и непобедимость большевизма и полное бессилие нашей власти» [11. Л. 7об.–8].

Безусловно, квартирный, продовольственный, топливный и иные острые социальные вопросы возникли во многом не по вине антибольшевистских правительств, а являлись закономерным следствием многолетней войны, социальных потрясений, разрушения политической и экономической инфраструктуры страны. Однако отсутствие контрреволюционных политических режимов сколько-нибудь четкой программы преобразований и видимых улучшений лишь усугубляло ситуацию. Основная цель, обозначенная Омским правительством, сводилась исключительно к достижению победы над большевиками. Однако при отсутствии сплоченного тыла не могло появиться боеспособной победоносной армии. А.К. Клафтон признавал в своем последнем слове: «В то время, когда советская власть сумела создать диктатуру, действительно твердую, сильную власть, которая не боится эксцессов, здесь не создано ничего, ни армии, а развился тот букет жестокостей и ужасов, который является признаком бессилия» [12. С. 335]. Интересы сибиряков-горожан и политического режима расходились, и правительство Колчака, его пропагандистский аппарат при помощи прессы пытались добиться поддержки общественного мнения. Но белая пропаганда оказалась бессильной на фоне общего прогрессирующего паралича власти, а потеря контроля в низовом аппарате управления лишила колчаковский политический режим непосредственной связи с населением, что явилось одной из причин его поражения в борьбе с наступавшей Красной армией и партизанами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.
2. Заря (Омск). 1919.
3. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
4. Народная газета (Томск). 1918.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 27.
6. Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919.
7. ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 34.
9. ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1^г.
10. Частные письма эпохи Гражданской войны. По материалам военной цензуры // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 2.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160.
12. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2009 г.